

Александр Рогинский

Сила воображения

Я смотрю на доктора Самуила Кругляка и думаю, отчего он именно такой. Небольшого роста, с маленькими руками, большой головой, с нелепо растущими кустиками волос в неожиданных местах. Когда смотрит, прищуривается, словно я букашка какая.

У него также была мать и отец, а сейчас он будет меня лечить от излишнего воображения. Именно такой диагноз поставил отец и привел меня к этому прославленному психотерапевту.

Мой отец инженер-конструктор. Он автор многих проектов мостов, некоторые из них построены. Когда услышал мою последнюю сонату, сказал, что давно пора меня обследовать.

— Я что — ненормальный?

— Ты очень нормальный, но у тебя слишком богатое воображение, а это очень опасно.

— А, может, я гений?

— Ты, конечно, гений, но это очень опасно, по себе знаю. Не хотел бы, чтобы ты повторял мои ошибки, так что соизволь слушаться.

— Старших, — подсказал я.

— Именно так, — согласился отец.

Он думает, я не знаю, что он по ночам тайком

пишет роман... Я все про него знаю, а он от меня все скрывает. Ему прежде, чем мне, надо к врачу, но на себя он давно махнул рукой. Я соглашаюсь на всякую дурноту, с отцом спорить нельзя, его нужно жалеть.

За последний мост его едва не посадили: сооружение рухнуло, были жертвы. Слава Богу, попался хороший адвокат, доказавший вину строителей, допустивших брак.

Когда после матча на мост хлынули разъяренные поражением любимой команды болельщики, мост не выдержал.

— Между прочим, — заявил эксперт, — когда команда одерживала победы, конструкция вела себя пристойно. А тут поражение с крупным счетом, возникли серьезные дополнительные нагрузки.

Это заявление мне на многое открыло глаза. Я также становлюсь тяжелей, когда злюсь, чувствую это физически.

После этого случая отец замкнулся в себе, начал болеть. И вот решил, что спасать надо меня.

Ладно, познакомимся с еще одним доктором.

Мне пятнадцать лет, я уже многих врачей повидал. Когда еще была жива мама, она, словно видела мое будущее, все уберегала меня от копирования.

Была у меня такая привычка. После понравившегося фильма начинал разговаривать

голосом главного героя. Побывав на концерте пианиста, играл в его стиле, так что мой педагог только руками разводил...

Мать моя была преподавателем фортепьяно в музыкальной школе, почему в четыре года начала учить игре на нашем стареньком пианино «Беларусь», у которого была расстроенная нота «ре» в низком регистре.

Эта нота и сыграла ре(ре)шающую роль в моей жизни.

Вибрирующий фальшивый звук вдруг разбудил мою фантазию, мне казалось, что в этом звуке, в этой ноте, живет целый мир, я слышал звучание разных голосов, собиравшихся в неизвестные и не слышимые мной до сих пор гармонии.

Однажды я попытался перевести слышимую внутри меня музыку на ноты. Получилась чепуха с рваным ритмом.

Но записав эту музыку на магнитофон, я вдруг понял, что нарисовал речку, заливной луг, маленькую девочку, отмахивающуюся от комаров и собирающую бруснику или клюкву, хотя откуда они на лугу...

Но такое я видел.

Я оставил ноты, запись на некоторое время, а затем снова прослушал. Картина явилась все та же.

Значит, я нарисовал нотами картинку, которая

теперь намертво была связана именно с этими звуками. Мне стало страшно интересно.

Я снова слушал фальшивую ноту «ре», снова начал сочинять в том же стиле — ритм рваный, скорость движения мелодии, не поддающаяся синхронизации с ритмом.

На сей раз увидел старика, рисующего на асфальте подсолнух. Подсолнух вырастал на глазах и превращался в высоченное дерево, вокруг которого жужжали шмели.

Мне вдруг захотелось все это нарисовать. Но я никогда не рисовал, даже в школе, где были уроки рисования.

Школа у нас была экспериментальной, там учились только одаренные дети.

Я, по мнению каких-то дядек и теток, которые этот отбор совершали, был зачислен в число избранных, что меня не очень радовало, потому что мы были постоянно на виду.

На уроках присутствовали ученые, нас заставляли рассказывать, что видим, как себе это представляем. У нас, как сказал один профессор, больше похожий на боксера в супертяжелом весе, развивали таким образом воображение.

К тому же, я уже очень прилично играл на пианино, чем постоянно привлекал к своей особе внимание, чего страшно не любил.

Рисовать я не умел. Но вот попробовал:

достал плотный лист ватмана, взял черный карандаш, нарисовал луг, девочку, старика с подсолнухом.

Рука сама водила карандашом, я наблюдал за ее действиями, как любил наблюдать, когда мама гладила.

Меня всегда интересовал процесс делания. Помню, в нашем дворе прокладывали к вентиляционной шахте метро мостовую. Я с утра прибежал, чтобы посмотреть, как несколько мужиков в фартуках укладывали на песок булыжники.

Каждый булыжник укладывался в свое гнездо, плотно прилегал к своему соседу. Так строились, между прочим, пирамиды — лезвие ножа было невозможно просунуть между соприкасающимися двухтонными блоками...

Картинки получались такие же рваные, как и музыка, но глядя на них и слушая запись, я получал четкую общую картину своего внутреннего состояния. Мое существо наполнялось полнотой чего-то определенного, но воздушного. Казалось, я становился невесомым, хотелось летать.

Но когда я показал свое творчество маме, она погладила меня по голове, поцеловала в макушку и привлекла к своему теплomu родному телу.

— Дорогой, это прекрасно, — сказала она, — но ты слишком быстро развиваешься, тебе следует

чаще отдыхать.

* * *

В маме боролись два человека: одному нравилось, что я сумел сделать, а другой беспокоился о моем здоровье. Вот почему, решил я, родные не могут быть учителями. Их останавливает любовь к своим детям там, где нужно погонять плеткой.

Я сразу понял, что мать будет всегда беспокоиться не о моем творчестве, которое она уже давно в своем воображении развила до окончательного, а о моем здоровье, которое было, надо сказать, не очень.

Я не был хилляком, но и особым здоровьем не блистал.

С тех пор я матери старался не показывать, чем занимаюсь, хотя она и без меня знала. Такие матери все знают.

Как-то я услышал разговор ночью в комнате родителей. Мама говорила, что я очень быстро развиваюсь, на фортепьяно играю программу консерватории, что у меня феноменальный слух и потрясающие руки. Но если мы не хотим Илью загубить, то надо срочно что-то делать.

— А что ты можешь сделать, если сама начала его обучать игре на фортепьяно? Ты ведь хотела им

гордиться, что естественно, а теперь даешь задний ход?

Если у нас родился талантливый ребенок, то пусть им и будет, разве плохо быть талантом, ты ведь сама некогда подавала надежды, у тебя огромный пианистический талант, разве я не потому в тебя влюбился? Помнишь, на том концерте в пионерлагере, в котором ты играла Шопена? Если бы ты меня так не поразила своей игрой, я бы тобой не заинтересовался, а я заинтересовался.

— Ты очень глупый, Георг, — сказала мама, — я тебе говорю о реальной опасности, мы можем потерять сына. Талант не только создает, но и разрушает. Поверь мне, я живу в этом мире, да и ты ведь не просто так живешь. Вон твои мосты, да что там говорить!?

Вот именно, сказал я себе, что там говорить. Они меня создали и хотят руководить мною до конца. Но вот наша кошка обрюхатилась. Единственный раз мы выпустили ее во двор пощипать травку, а она занялась чисто кошачьим делом.

Однако котят своих держала при себе только самое короткое время. Пока они не научились сами ходить, делать все необходимое для свободной жизни. А у людей все иначе, родители всю жизнь своих детей считают детьми и пытаются учить.

Самуил обошел меня, остановился напротив.

— У вас сильное поле, молодой человек, вы постоянно возбуждены, требуется сброс энергии. Вот вы и сбрасываете ее в творчестве. Это нормально.

Я молчу. Пусть говорит про энергию и разные другие хитромудрые шутки, мне просто интересно, куда он вырулит.

Отец кивает радостно головой. Ему кажется, Самуил Бог только потому, что на нем белый халат, большие роговые очки, увеличившие размеры и без того большой головы и делающие его еще меньше ростом. И главное Самуил — психотерапевт, лечащий знаменитости.

— Я ясно выражаюсь? — спрашивает Самуил.

Я молчу.

— Вот видите, маэстро, он молчит.

— Я слышу, — доносится слабый голос отца.

— Однако — экземплярца. Вы говорите — он прекрасно играет на фортепьяно, рано поступил в консерваторию? Давайте его послушаем, или он и здесь устроит нам молчанку?

— А тут есть пианино?

— Фортепьяно в моем кабинете. В моей профессии без музыки не обойтись.

Отец никогда не говорит «фортепьяно», а

только «пианино». Наверное, потому что дома у нас старенькая «Беларусь».

А вот Самуил «фортепьяно» произносит легко, с вызовом, ему два очка зачета.

Мы идем в соседнюю комнату, в которой у окна стоит вытертое до блеска коричневое старое пианино с резными виноградными гроздьями на деке.

На крышке висит простой амбарный замок. Это так здорово — достойно картины. У меня тут же начинает звучать вполне приличная мелодия.

Самуил неторопливо открывает замок маленьким ключиком, приглашает сесть.

Сажусь, нажимаю ноту «ре». Это мой исходный звук, который настраивает меня на сочинение музыки.

Без всяких репетиций играю только что прозвучавшую внутри музыку. Это начало большой сонаты с серьезными шагами басов и совершенно журчащей мелодией в самом верхнем регистре. Медведь, вышедший из густого векового леса, слушает птичку, сидящую на колоске пшеницы, которая растет из воды в быстро текущей маленькой речке.

— Что это? — спрашивает отец, — я еще не слышал этой музыки.

Я молчу.

— Вот видите, — говорит Самуил, — он

хочет сказать, что написал эту музыку только что, он демонстрирует свои возможности.

— Да, — говорю я, — только что. И на это меня натолкнул внешний вид фортепьяно — замечательно породистый инструмент, который делали скорее для интерьера, чем для игры. И висячий замок...

— Он тонко чувствует красоту, — комментирует Самуил, будто меня тут и близко нет. — Следовательно, вы можете описывать музыкально предметы?

— Он и картины рисует к своим сочинениям, но они не очень получаются.

— Мы и порисуем сейчас.

Самуил открывает шкаф, достает большой лист ватмана, набор цветных карандашей.

— Покажите свои способности, маэстро.

Я быстро рисую колосок пшеницы в речке, птичку на нем, медведя.

— Ого! — восклицает Самуил. — У него параллельное сознание. Очень интересный случай.

— Так что нам делать? — осипшим от волнения голосом спрашивает отец.

— Ровным счетом ничего, он развивается нормально, конечно, для себя.

Единственное, что необходимо — постоянно консультироваться со мной. Денег за консультации я брать не могу, интересные случаи нужны для

моей науки.

Отец разочарован. Встает со стула и покорно жмет руку, в которой зажато двести долларов.

— Только без этого.

Самуил достает визитку, как фокусник, из рукава, дает ее мне.

— Ты должен регулярно бывать у меня, если не в кабинете, то в парке — будем разговаривать. Тебе обязательно надо разговаривать, ни в коем случае не замыкаться, как твой отец.

— А откуда вы знаете, что отец...

— Это слышно по его голосу.

— А вот с вами, маэстро, я должен серьезно поговорить, — обращается Самуил к отцу, который совершенно теряется.

— И тут придется заплатить, но не давать мне взятку. И за себя, а не за вашего сына.

Вот это разворот! Отец окончательно сникает и садится на стул, на котором я только что сидел.

— А вы что тут делаете, молодой человек? Кышь из моего кабинета. Помните про визитку.

Отец жалко кивает головой, отпуская меня.

Я далеко не уйду, жду отца на скамейке, меня раздражают противоречивые чувства. С одной стороны я рад, что за отца, наконец, возьмется хороший специалист, с другой — мне трудно поверить, что у него серьезное заболевание. Мне отца страшно жалко.

Этим летом мы собирались поехать к тетке в глухомань, отдохнуть на природе.

Отец заядлый рыбак, а у тетки есть пианино (тоже, между прочим «Беларусь», на котором играл ее муж, военный летчик, погибший в Афганистане).

Это пианино в свое время очень котировалось, военный летчик везде таскал его с собой, естественно, находя для любимого инструмента место в самолете, так что это ему ничего не стоило. Наверное, и наша «Беларусь» оттого расстроена, что побывала в разных вибрационных условиях. Следовательно, я должен быть благодарен военному летчику, который доставил пианино «Беларусь» в наш дом.

В результате расстроенная нота «ре» заставила меня увидеть все разноцветье музыкального мира, который я пытаюсь перевести на язык нот и рисунков.

Отец выходит с опущенной головой. Он видит меня на скамейке в скверике, идет прямо, переступая через поребрики, отделяющие аллеи от зеленого пространства, что для отца, хранителя природы, совершенно несвойственно.

Садится рядом, обиженно сопит, молчит.

— Вот так-то, — произносит наконец. — Шел лечить тебя, а оказался больным сам.

— Что он сказал?

— Что мне нужно разнообразить свою жизнь и почитать Будду.

— Будду? — удивляюсь я.

Отец таких книжек не читает. Самая толстая в нашем доме — «Справочник металлиста». С этим справочником отец не расстаётся столько времени, сколько я его помню. Как-то я заглянул за обложку книжки, тут же захлопнул ее.

На меня посыпался миллиард маленьких букв, рисунков, чертежей, формул и прочей ерунды, которую я еще со школы терпеть не мог.

— Он сказал, что моя нервная система работает только в одном направлении, проглатывает негативы и возвращает их.

Он сказал, что мне надо что-то делать со своим подсознанием и рассказал, что это такое. Вот тебе надо бы его послушать, а для меня это полная чепуха.

Меня мало интересует подсознание, я вижу свои мосты, я любил твою мать, я люблю тебя, нам надо как-то выбираться из этой истории под названием жизнь. Вот о чем болит моя душа, а он про подсознание.

— Папа, он же психотерапевт. Ты же говоришь только о конструкциях, хорошо понимаешь их, а он видит человека со стороны его внутренней жизни, он специалист по

проникновению в наши души. Он лечит наши души.

— И что он вылечил в тебе?

— Он же сказал — я совершенно нормальный.

— Это потому, что он сам сумасшедший, — громко произносит отец и гордо выпрямляется.

* * *

Тетя Бата сестра по матери. Живет она на Полтавщине в глухом селе, покрытом сплошь садами и лугами. Я был там в глубоком детстве с матерью, запомнил этот рай на земле во всех подробностях.

Мало того, по воспоминаниям написал музыкальную картину «Ворскла». Так назвал один из циклов, который пока никому не показывал.

Когда Самуил сказал, что нам надо отдохнуть, отец не сомневался, куда мы поедем набираться свежих впечатлений и здоровья.

Сборы были недолги. И вот мы в пути, сидим в дряхлом желтом автобусе, у которого два разных задних колеса и проржавевшие ступени.

— А мы доедем? — спрашивает отец молодого водителя, который, наверное, проходит на этом доисторическом автомобиле практику.

— Еще и как, раньше строили на века, — весело заявляет парень в ковбойке с завернутыми в

бублик рукавами. — Немного потрясет, но это даже полезно.

Почему полезно, не сказал, а я про себя добавил: проверка на прочность установки внутренних органов. Веселые шуточки. Но для меня, чем экстремальней, тем лучше. Не люблю сонливости в природе.

Отец купил подарок тетке — электромясорубку.

— У нее всегда свежая свинина, пусть нам делает котлеты.

Отец любит котлеты, давняя его страсть, их отлично готовила бабушка. В послевоенное время котлеты были деликатесом, как мне рассказывала мама.

Мама их тоже прекрасно готовила, так что я не против. Вот только тащить мясорубку не очень удобно.

Я люблю такие поездки, подальше от центральных дорожных магистралей. Приятно качаться по холмистым упругим грунтовым дорогам и наблюдать (руку протяни) белые ромашки, озера, леса; ехать в их полутемном с солнечными пятнами пространстве.

Окунаешься во всю эту благодать, чувствуешь полное согласие с природой.

Автобус мягко ухал в выбоины, на удивление легко брал небольшие высоты. Останавливался

часто, так как был рассчитан на сельских пассажиров, а Полтавщина густо заселена.

Несколько раз мы пересекали Ворсклу. Речку, похожую на юную девицу, стыдливо кутавшуюся в серебристый поток.

Как только отец сказал, что едем к Бате, я сразу и представил Ворсклу, потрясающий ее изгиб с отличным песчаным пляжем, где мы с мамой загорали, а я ловил сачком довольно больших рыб, страшно любопытных, подходивших к самому берегу.

Это был дикий пляж, куда редко кто заглядывал. Мы обнаружили его случайно. Мать любила пешие прогулки, вот и забрались в густой лес. Там наткнулись на это чудное место. Вода струилась, переливалась, играя мелкими волнами, была так прозрачна, что рыбы виделись, как в аквариуме. Их легко было ловить, человек еще не научил их пугаться.

В автобусе это место всплыло в памяти. Я решил сразу же отправиться купаться именно туда.

Неожиданно тетка в цветастом платке, в который была завернута, словно сосиска в тесто, заголосила.

Видно, ее от вида родных мест прорвало, как прорывает накопившаяся вода плотину. Ее пение было тут же подхвачено, и мы так и ехали под звучание местной музыки, а я выбирал интересные

повороты, чтобы потом использовать в своих музыкальных композициях.

Отец откинулся на спинку кресла, закрыл глаза. Я порадовался за него, он отдыхал, городская тоска слетала с него, как ржавчина с рыжего металла, обнаруживая твердую прочную блестящность.

Я ведь отца видел изнутри, мы живем с ним в одном поле, как сказал бы психотерапевт Самуил.

* * *

Я часто теперь Самуила вспоминаю; его воображение засело в моем, теперь мы вместе и, наверное, надолго. Может, он и это имел в виду, что мы будем теперь встречаться, может, этим заложил, как мину замедленного действия, в мое подсознание-воображение свой образ?

Что-то в этом есть, а главное, мне приятно его видеть перед своими глазами, разговаривать с ним, как с собой.

Вполне возможно — и отец сейчас с ним разговаривает. Есть люди, которые, побыв с вами совсем недолго, потом с вами остаются на всю жизнь. Всю жизнь я еще не прожил, а прожил только самую ее малость, но так себе представляю.

Знание о жизни у человека, это я сейчас подумал, рождается раньше проявлений самой

жизни. Некоторые это называют — думать о будущем. А я уверен, это и есть воображение — проявление подсознания.

Самое интересное, что эти два понятия слились у меня в одно. Чем чаще вспоминаю о них, тем легче мне ими руководить.

На остановках количество пассажиров убывало, их заменяли новые. Усевшись на свои места, тут же присоединялись к хору.

От остановки автобуса к дому тети Бате нужно добираться пешком около километра. С нашими чемоданами на колесиках это сделать было трудно ввиду отсутствия асфальта. Но мы шли по узкой травяной тропинке, которую проложили совсем недавно. Это облегчило наше путешествие.

* * *

Двухэтажный дом тетки я увидел издали, верхняя веранда прорисовалась в окне зеленой массы в виде пирамиды.

Дом даже с этого расстояния угадывался, как прибежище уюта. Белые облака солнечного света, застыли в пространстве. Хотелось стоять на месте и набираться идиллического воздуха.

Отец остановился, вытер пот с лица большим платком, давно не стиранным, осмотрелся.

— Как хорошо! — сказал, выпрямляясь. —

Как дурно устроен человек. Вместо того, чтобы жить среди такой красоты, он залезает в металлические гробы, портит воздух вокруг себя, наживает геморрой и еще успевает внушать себе, что счастлив. Все признаки идиотизма.

А счастье вот оно.

Давно не видел отца в таком приподнятом настроении. Может, то, что мы были вдвоем, что тетя Батя ему очень нравилась, и он почувствовал свободу.

Как я догадывался, он давно собирался возобновить отношения с этой близкой родственницей, ему таковой не являющейся, так что его кокетливые ухаживания за Батей еще при жизни матери, вызывавшие в ней недоумение, сейчас могли быть вполне обоснованными.

Мать умерла восемь лет назад, когда я был еще совершенным мальком. Но я все хорошо помнил, так что понимающе отнесся к желанию отца поехать отдыхать к Бате на Полтавщину.

Она также относилась к отцу неплохо, специально злила свою сестру кокетством и тем, что была красивей и фигуристей мамы.

В пятнадцатилетнем возрасте я уже это понимал.

Меня девушки начинали привлекать, скрывать это перед собой было бы глупо.

Между прочим, Самуил сказал фразу,

которую я потом развил в своем воображении до уровня философии:

— Тебе будет непросто с девушками, ты должен научиться их прощать.

Пока я только догадывался, что значит прощать, но знал, что скоро достигну уровня понимания.

Самуил все крепче вращал в меня.

У калитки не такого большого, каким казался издали, дома стояла тетя Батя, скрестив руки на груди.

Солнце пробивалось сквозь крону старого дуба, лепило на лице тети красивые узоры, от которых лицо выглядело совсем молодым.

* * *

Войдя с солнца в комнаты, я очутился в тесной тьме. Тут был другой воздух, предметы в солнечном сумраке угадывались, будто ночью, но было занято при постепенном проявлении. Глаза привыкли, обнаружили источники света, все стало на свои места.

Я увидел пианино «Беларусь» в углу рядом с книжной полкой, на которой стояли нотные сборники. Судя по их положению и размещению, ими пользовались. Значит, двоюродная сестра Юля продолжала добиваться возможности поступить в

Московскую консерваторию.

С Юлей я познакомился, когда она еще при жизни мамы приезжала в гости. Это была очень подвижная девочка, которая не боялась близко подходить к человеку.

Ко мне она подошла так близко, что я учуял запах молока.

Юля взяла меня за руку, подвела к пианино и усадила на кресло-вертушку.

— Хочу, чтобы ты мне сыграл, мама говорила, ты умеешь играть.

Она надула губки, смотрела на меня умилительно строго.

Я сел и сыграл моцартовское аллегро из третьей сонаты.

Она склонила голову, словно только так могла оценить музыку. Подошла и пожала мне руку.

— Мне понравилось. Ты неплохо играешь, научи меня.

Я, помнится, начал ее учить. Она весело училась, перескакивая через легкие для нее упражнения, требуя идти дальше.

Ей, по-видимому, хотелось научиться играть, как я, за один час, не больше.

Самое удивительное, что она сразу многого достигла. Во всяком случае, аппликатуру быстро усвоила, ставила пальчики, как того я требовал.

К концу нашего гостевания Юля вполне

сносно играла легкие пьесы. Я сказал Веронике Самойловне, что Юля очень талантлива, ее стоило бы отдать учиться.

С нетерпением ждал явления Юли, о ней доходили странные слухи, что она хотела выйти замуж за цыгана, который был таборным и который, влюбив в себя Юлю, вместе со своим кагалом двинулся дальше по ежегодному цыганскому маршруту.

Отец говорил, что Юля делала успехи в музыке.

Со смертью матери, наши связи едва тлели. И вот отец решил восстановить некогда большую семью.

Уверен, с Вероникой Самойловной он вел активную переписку. Несколько писем пришли на наш адрес. Я вынимал их из почтового ящика. А потом, вероятно, письма приходили «до востребования».

Отец очень стеснялся, что я могу узнать о его тайной мужской жизни.

А я все знал. Во всяком случае, когда отец сказал, что есть идея посетить родственников и одновременно отдохнуть летом у тетки, я тут же дал согласие, что вызвало у отца естественное подозрение, что кое-что мне известно.

— Юля придет через пару дней, — заметила Вероника Самойловна. — Но пианино в твоём

распоряжении.

— А как у нее с музыкой?

— Много занимается, на хорошем счету, шустрая такая.

При слове «шустрая» сеть морщинок Вероники Самойловны распустилась, лицо помолодело.

Мы с отцом поселились в комнате, которая выходила на веранду.

На веранде стоял длинный стол, где летом обычно обедали, как объяснила нам хозяйка. В саду был еще один стол на случай, если собиралось много гостей.

* * *

Прежде всего я отправился к Ворскле на знакомый дикий пляж. Река быстро бежала среди густых кустарников и неожиданных плесов.

Глаз отдыхал от созерцания прозрачной желтоватой воды, несшей листья, паучков, использующих паутинку, как паруса... Неожиданно выплескивалась большая рыба, шум от реки был мягким и усыпляющим.

Река текла быстро, останавливая время.

Наверное, это происходило от царившего покоя и уединенности.

Я сидел на берегу в чем мать родила, тело